

Поэтический перевод для школьников и начинающих.

(Чуть-чуть отредактированная запись устной лекции)

Начнем, как говорят стоящие с мелом у доски математики, «с нуля». Что такое перевод, как простой читатель – ну, немного простой, вроде старшего брата Черномора – относится к этому делу?

Есть иностранные языки, существуют словари, и если взять любую книжку и перевести ее слово за словом, то у все и получится, большой квалификации этот труд не требует, ведь никто же не обращает внимания на имена переводчиков, ну переводчик себе и переводчик; вон там на полке стоят переводные издания – Бальзак, Франс, Диккенс, Мопассан – все это я читал, разумеется, а кто там переводил? – да Бог его знает.

Это действительно самый начальный уровень: люди, которые сами никакими иностранными языками не владеют, думают, что перевод – дело совсем простое.

Следующая ступень: вы выучили какой-то язык и хотите что-то перевести. И тут начинаются страшнейшие мучения.

Ведь даже если мы переводим прозу, то самая простая фраза, легко и естественно звучащая на иностранном языке, при попытке изложить ее по-русски становится корявой и косноязычной: мы чувствуем, что так по-русски вообще не говорят. Человеку, в первый раз приступившему к переводу, кажется, что у него в голове со скрипом крутятся какие-то ржавые шестеренки, которые все никак не сопрягаются друг с другом. Ничего не получается.

И сразу становится понятным, что здесь какое-то искусство. Тем более, когда речь идет о переводе поэзии, где форма стоит на первом месте, и форма сложнейшая, когда нужно соблюсти многие десятки правил, передать огромное количество информации (не люблю этот кибернетический термин, применять его к искусству сейчас модно, но это, конечно, дурной тон, однако все же применю его тут) и учесть несчетное число разнообразных явных и скрытых связей (их на порядок больше, чем в обычном прозаическом тексте). На первый взгляд кажется, что все это совершенно невозможно по природе вещей. Тут можно все и закончить, потеряв всякий интерес.

Но тем не менее мы видим, что переводные книги все время выходят, наши книжные полки полнятся изданиями знаменитых иностранных поэтов, разнообразными антологиями и сборниками трудов известных переводчиков. Время от времени нам случается в них заглядывать. Давайте вспомним, как это происходит: скажем,

вернемся (мой случай) в середину семидесятых или пусть даже (ваш случай) 2010-х годов и представим, что мы открыли случайно снятый с полки томик переводных стихов (сейчас-то уж точно никто на это не решится). Что произойдет потом? Да мы тут же его закроем.

Я вспоминаю очень давний разговор с одним весьма тонко понимающим дело любителем поэзии: мне все интересно, - говорил он мне – я все покупаю, я всегда пробую читать это, но ведь совершенно, совершенно невозможно, ведь это ... жеванный картон.

И ведь не поспоришь: читать переводную поэзию – то же, что жевать картон.

Вот так. Не получается ничего

Но это нынешний нигилистический подход. А был еще апологетический.

Этот второй подход был очень распространен в среде переводчиков, а это в нашей советской специфике была среда очень своеобразная. В чем тут дело?

То, что происходило у нас последние сто лет, есть некое сумасшествие, некая аномалия, шизофрения. Есть такое – чисто советское - понятие: поэт-переводчик (так и пишется – через дефис). Это человек, который своих стихов никогда не писал, но, обладая некоторым знанием иностранных языков и способностью к версификаторству, сделал поэтический перевод своей профессией.

Приведу аналогию (пусть она и покажется несколько оскорбительной или, может быть, натянутой). Вы, слава Богу, уже об этом не знаете, но люди старшего поколения помнят, что раньше все, кто учились в ВУЗах, должны были проходить марксистско-ленинскую философию, и каждый, кто хотел стать кандидатом наук, сдавал по ней аспирантский экзамен. И была целая индустрия - «преподаватель марксистско-ленинской философии», и все эти преподаватели называли себя философами. Так вот эти философы – такие же философы, как наши поэты-переводчики - поэты или переводчики.

Я сказал – шизофрения. Откуда такое несчастье свалилось? Почему? Да потому что большевицкий Будда, Ленин, в молодости пытался конспектировать философов, написал книжку «Материализм и эмпириокритицизм» и в партийной полемике использовал философскую терминологию. В результате сто лет несчастные русские студенты должны были сдавать всю эту чепуху.

А откуда советский поэтический перевод? Тут такое же шизофреническое чудо культурной политики большевиков – нужно было развивать «пролетарский интернационализм», на стенах всех советских образовательных учреждений висело мудрое изречение Ленина, что, мол, «настоящим коммунистом можно стать только овладев всем богатством мировой культуры» и вот, как результат, и возникла такая индустрия книгоиздания. В пору расцвета соввласти она была очень денежной и, естественно, привлекала к себе большое число желающих заработать. Конечно и среда вокруг создавалась соответствующая – полная интриг, взаимного подсиживания, круговой поруки, лизоблюдства и т. д. Отсюда, конечно, и результаты, отсюда и упомянутый выше эффект жеваного картона. Именно это и создает совершенно железобетонную базу для упомянутого выше нигилистического подхода к стихотворному переводу.

Поэтический перевод – это что-то искусственное, фальшивое и совершенно не нужное.

Но, как я сказал, был и апологетический подход. В среде профессиональных переводчиков и вокруг было развиты взаимовосхваление и восхваление своего ремесла, все время произносились всяческие благородные лозунги: мол, «перевод служит взаимопониманию между народами», «мы несем факел просвещения» и т. д. и т. п.

Но на самом деле все это были пустые слова.

Так что же такое поэтический перевод?

Давайте немного подумаем, давайте попробуем забыть об этой нашей советской специфике, давайте вспомним историю литературы.

Так вот, если мы немного подумаем, то окажется, что среди всех крупных поэтов (не только наших - и зарубежных тоже) не было практически никого кто бы не занимался стихотворным переводом.

Давайте пойдём наугад, без всякой цели похвастаться нашей невероятной эрудицией просто перечислим первых, кто придет в голову.

Ну немцев каких-нибудь возьмем, посмотрим, скажем, на начало века, границу 19-го и 20-го где-нибудь. Кто там из великих? Ну, скажем, Стефан Георге – крупнейший немецкий поэт. Вы знаете, что он сделал? Он полностью перевел книгу Бодлера «Цветы Зла», а там больше сотни стихотворений сложнейшей сонетной формы (и не только сонетной), ну и, как мелочь, он перевел еще все сонеты Шекспира, которые, впрочем, переводить гораздо легче, английский шекспировский сонет – вещь простая, проще нее уже только разве что нерифмованный стих. Но тем не менее, в конечном счете Георге перевел две гигантских книги, перевел по всем правилам переводческого искусства, с соблюдением всех законов формы, всех тонкостей просодии. Кто там еще у немцев? Великий Рильке (вы, конечно, хорошо знаете это имя - через Цветаеву и Пастернака, которые с ним переписывались и им безгранично восхищались). Совершенно оригинальный, глубочайший, ни на кого не похожий немецкий поэт. Что же он сделал? Перевел «Сонеты с португальского» Элизабет Браунинг – это такая солидная поэтическая книга – опять, по всем правилам поэтического искусства и еще книгу Charmes Поля Валери - а это уже невероятно, просто запредельно сложно (я тоже ее переводил, тут я знаю, что говорю, - это заняло у меня семь лет упорнейшего труда). Так вот – все последние шесть лет своей жизни Рильке переводил Валери ... Кого еще из немцев вспомним? Но вот, например, Моргенштерн – тоже оригинальнейший поэт. Так он перевел весь поэтический корпус Ибсена. Вы знаете, что Ибсен – драматург, но он написал и довольно много стихотворений – и все они переведены на немецкий Моргенштерном. Это все наугад, без всякой системы – просто выбрав немцев.

Давайте посмотрим на англичан. Мы, русские, кого знаем из англичан? Ну, конечно, Байрона. Байрон – это гений своеволия, могучий творческий поток лился из него всю жизнь, его имя - синоним самой жизни, неужели такой глубоко оригинальный человек будет сидеть и переводить чужие стихи? А вот нет! Он переводил длиннейшую итальянскую поэму Луиджи Пульчи («Morgante»), октавами, и перевел около тысячи стихов, всю первую песнь – опять по всем школьным правилам, потратив, наверно, не меньше года на эту работу. Вы все знаете, что поэма Байрона «Дон Жуан» - точнее, роман в стихах, предшественник «Евгения Онегина» - написан

октавами. Т. е. опыт перевода не пропал зря, Байрон перенес итальянскую октаву на английскую почву и потом, с английской почвы, она уже перебежала к нам. «Евгений Онегин», конечно, написан не октавами, это сонеты (14 строк – сонетная форма), но вы прекрасно знаете, что и у Пушкина есть длинное произведение, написанное октавами - «Домик в Коломне». И предшественником там опять был Байрон – поэма «Беппо» Байрона тоже написана октавами и у Пушкина есть прямые заимствования оттуда. Впрочем, я тут уже отвлекся. Что я хотел сказать? Что оригинальнейший поэт, которого совершенно невозможно заподозрить в каком-то эпигонстве, обычно приписываемом переводчикам, в технарстве, штукарстве, мертвой версификации, потратил год своей жизни на старательный перевод средневековой итальянской поэмы.

Хватит нам ходить по заграницам, давайте вспомним наших. С кого начнем? С Пушкина, конечно. Если вы сейчас откроете (стыдно предлагать, но просто для скорости) Википедию и просто наберете «переводы Пушкина», то вы там найдете список из пятидесяти имен поэтов, которых он переводил. Самые известные имена вы, конечно, все знаете – Парни, Шенье, Ариосто, Вольтер, Мицкевич, Мериме – вы все знаете наизусть эти вещи из школьной программы, но ведь это все переводы. В том числе и в позднейшей его лирике много переводного - и это все стихи, стоящие наравне с оригинальными, они и рассматриваются нами, как оригинальные, хотя некоторые из них это просто добросовестные переводы, скажем, из Шенье. Или, к примеру, «Будрыс и его сыновья» - ведь это действительно добросовестнейший перевод из Мицкевича, но при этом любимейшее наше стихотворение Пушкина.

Просмотрим, что было рядом, возьмем Батюшкова. Тибулловы элегии - три длинных стихотворения Батюшкова, - добросовестные переводы, но это лучшие его вещи, центральная часть наследия. Жуковский? Все знают, что практически весь Жуковский – это переводы. Куда теперь? Ну давайте Фета возьмем. Тончайший лирик, оригинальнейший русский поэт. А что мы знаем про него? Вы знаете, что он перевел всего «Фауста» - обе части? Стихами, естественно. Вы знаете, что он перевел практически всю латинскую поэзию? Горация, Проперция, Тибулла, Овидия, Вергилия, Катулла – ну вот у меня уже пальцы кончаются загибать, считая, - Лукреция и даже одну пьесу Плавта А главная его переводческая работа – это полный корпус Горация, причем он переводил не античными размерами, а в рифму, настоящими русскими стихами – а это в сто раз труднее. Вы, наверно, знаете, что он получил Большую Пушкинскую Медаль Академии Наук за полный перевод Горация – это уже в старости, когда он его закончил, а начал он с переводов од, еще молодым человеком – он служил в кавалерийском полку, чистил свою лошадь нет, конечно, у него был

ординарец, он смотрел, как чистят его лошадь, и в это время переводил оды Горация ...

Скажу все же то, о чем обычно не говорят, это такая тайна для посвященных: сейчас читать эти переводы тяжело, они немного устарели, они немного неловкие и даже ... немножко скучноватые. Хотя для своего времени они были большим достижением.

Почему? Почему такой гигантский поэт так мало туда вложил от своего гения?

А потому что он взял все себе. Потому что он был очень умный. Все лучшее он взял себе, и все это находится в тех пятидесяти или шестидесяти абсолютных фетовских шедеврах, что известны нам наизусть, – все эти парадоксальные ходы, гармония построения – все это оттуда. Он забрал себе все лучшее, а уже выжатый лимон пустил в перевод.

Хорошо, Тютчев. Третий корпуса Тютчева – переводы. И более того: до самого последнего времени обнаруживаются новые. Казалось бы - чего мы можем не знать в крохотном томике тютчевских стихов? Но наука развивается, и вот оказывается, что некоторые стихотворные наброски, которые печатаются среди тютчевских оригинальных стихов, тоже переводные. Последнее такое открытие было сделано два года назад замечательным нашим исследователем Виталием Ивановичем Симанковым – тютчевский отрывок (странноватый, но как всегда у Тютчева – остро интересный) был идентифицирован им как конспект перевода стихотворения одного малоизвестного французского поэта.

Пойдем дальше. Конец девятнадцатого века, начало двадцатого - после Фета. Кто у нас там крупнейший поэт? Конечно Анненский. Из всех наших поэтов это, пожалуй, самый образованный, он – тончайший филолог, переводчик полного корпуса Еврипида, причем, конечно, не с правого листа разворота немецкой или французской билингвы (как многие советские переводчики), а с левого – с греческого. Шутка ли сказать? Полного Еврипида! А еще – французы: Бодлер, Верлен, Малларме (которыми он просто болел), и это все ушло в его поэзию, а его переводы Малларме или, скажем, Верлена стоят для нас наравне с его собственными гениальнейшими стихами, они – такое же немислимое чудо.

Сологуб. Сологуб много переводил Верлена, и там есть замечательнейшие вещи. Бунин. Пять абсолютных шедевров русской поэзии – это его переводы из Леконта де Лиля. А какие еще переводы Бунина вы знаете? Конечно – «Гайавату» Лонгфелло, и лучше его это уже никому не сделать. Теперь этот белый четырехстопный хорей со сплошными женскими окончаниями (взятый Буниным у Лонгфелло) немедленно и

радостно всеми опознается, как «Гайавата», стоит только какому-нибудь незадачливому стихотворцу его употребить.

Брюсов. Видели ли вы отдельно изданный том его переводов? Пожалуй, это самая толстая книга из тех, что я видел в жизни (тут, конечно, преувеличение, но простительное). Ходасевич? «Крымские сонеты» Мицкевича – блистательные переводы. И так далее и так далее

Потом начинается советский период. Тут много разных имен у нас на слуху, больше поневоле, конечно: ну вот, скажем, Пастернака все знают, правда, последнее время его переводы все больше и больше критикуются, да и сам он как-то выходит из моды, вплоть до полного неприятия, но ведь там есть имена, которые мы совсем не знаем.

Вот был у нас во второй половине двадцатого века такой Сергей Владимирович Петров. Это гениальнейший поэт и чрезвычайно образованный филолог - он знал двенадцать языков и на нескольких сам писал стихи. На этом примере мы видим совершенно уникальный сплав переводческого мастерства и оригинального поэтического творчества – это такой вулкан, из которого двумя потоками извергается лава, один поток - это собственные стихи, а второй – невероятное количество переводов, технически исполненных просто блистательно – там все так закручено, так ловко пригнано друг к другу, что такого мастерства больше, пожалуй, нигде уже и не увидишь. Как движется история литературы? Чтобы оценить фигуру, надо подождать лет семьдесят как минимум. Кто там у нас последнее время поэт? Ну тот, кому какую-нибудь премию дали. Какую-нибудь нобелевскую или еще какую. Так через двадцать-тридцать лет их всех забудут. А вот через семьдесят посмотрим, кто там будет самым лучшим поэтом нашего времени. Я вот ставлю на это.

Резюмируя: все крупный поэты, во всяком случае большинство из них, переводили.

А вот давайте здесь определимся – что значит «все» и что значит «большинство»? Кто-то же не переводил. Скажем так: те, кто были образованными. Любой образованный настоящий поэт, знающий один или два (а лучше больше) иностранных языка неизбежно переводил. И чем больше он знал, тем больше переводил.

А если вдруг поэт не переводил, то что можно о нем сказать ... Ну есть такое грубоватое слово – невежда. Невежда может быть крупным поэтом. И это ни в коем случае не оскорбление. Бывает, что так жизнь сложилась. Ну вот у кого повернется язык о Заболоцком что-то подобное в обвинительном ключе сказать. Он не знал ни одного иностранного языка, но был вынужден зарабатывать переводами и среди них есть несколько совершенно блистательных («Мемнон», к примеру). Все знают его жизнь – он из-под Вятки, потом Ленинградский педагогический институт, потом

армия, а потом он загремел на каторгу – ну где там, что там, какие еще языки ... Вот пожалуйста: громаднейший, невероятный поэт, а языков не знал, да разве у нас повернется язык поставить ему это в упрек? Переводил он с подстрочника, ненавидя, и говорил, что «перевод и инфаркт это синонимы» (он ведь и умер от сердечного приступа). Для него это было неприятной и тяжелой работой – потому что он не знал языков. А если бы он знал ...

Когда я переводил Леконта де Лиля у меня время от времени возникала одна и та же мысль – а если бы его переводил Заболоцкий, какие бы получились шедевры! Эта чуть холодноватая философская лирика, вся эта натурфилософия – она же просто создана (как это ни парадоксально) для Заболоцкого (и к Фету она тоже очень близка), возмись он за эти стихи, какой резонанс бы случился, какой красоты вещи мы бы получили ...

Но он не знал французского, переводил с подстрочника третьесортных грузин и страшно скучал.

Итак, резюмируя, скажу: любой крупный поэт, если он не невежда, если он знает языки, неизбежно переводит и это составляет существеннейшую часть его оригинального творчества. Вполне равноправную часть. Перевод это жанр в поэзии, который ничем не хуже, скажем, поэмы или баллады (как жанров).

Есть еще одно важное обстоятельство. Всегда жив задорный дух соревновательности. Я все могу сделать! Видишь иногда что-то сложное, блестящее и говоришь себе, ну это точно мне не по зубам, вообще непонятно, как это сделано. Нет сил, невозможно. И вдруг этот дух оживает: покажу свое умение, могу! Сделаю! Творческая амбициозность очень у многих есть. Это один из важнейших побудительных мотивов для перевода.

Я сказал, что перевод это равноправный жанр, равноправная область творчества, но тайное знание состоит в том, что это не просто равноправная область, а ... главная.

Обоснование тут очень простое. Кто у нас главный поэт? Конечно, Гомер, но мы его забудем сейчас, Гомера, конечно, нельзя забывать, но мы не знаем, существовал ли он, был ли он богом, было ли много Гомеров, народный ли это эпос сложенный из разных кусков или был один такой сверхгений – оставим его сейчас в сторонке, Гомера никто не превзойдет. Кто следующий? Конечно, Гораций. Какое главное произведение Горация, которое все знают и которое тысячу раз переводилось у нас?

«Памятник», 30-я, последняя ода его третьей книги. А что он там пишет? Какая там главная мысль, чем он славен? Тем, что он греческую, эолийскую поэзию перенес на римскую почву. Ведь многие его оды, даже если они и не прямые переводы с греческого, то уж точно (формально) выстроены по греческим образцам. Можно сказать, что и Гораций был добросовестнейшим переводчиком. Основное его достижение, как он считал, было переводом.

Давайте я вам прочитаю эту оду, у нее много русских переводов, вот еще один. Я выделю голосом центральную мысль.

Труд окончен мой. Статуи медной прочнее
То, что создал я, выше любых пирамид.
Пусть шумит Аквилон и пускай, леденя,
Вечность тянется — памятник мой устоит.

Либитины бежит то, что истинно мною
И звалось одно — и еще прирастет.
Буду славен, покуда с весталкой немую
К Капитолию жрец по ступеням идет.

**Скажут пусть обо мне — перелил он впервые
Эолийские песни в родную латынь.
Дал он музыку нам и потоки живые
Потекли посреди наших сельских пустынь.**

Родом низок, я к высям вознесся из тлена,
По заслугам моим и по воле своей.
Возгордившись поэтом таким, Мельпомена,
Лавром пышным меня увенчай поскорей.

«Перелил он впервые» - это же труд поэта и переводчика! Не нашего поэта-переводчика, марксистско-ленинского философа, а настоящего поэта.

Да, тайное знание состоит в том, что это и есть главная часть творчества. Это не эпигонство, не копирование, не техническое упражнение. Культура – это дерево, которое растет. Это не мертвые кирпичи, которые кладут друг на друга. Никакого прогресса нет, то, что было две тысячи лет назад ничем не хуже (а на самом деле гораздо лучше) того, что есть сейчас, и все связано со всем, каждая боковая веточка, которая только что выросла, связана с тем что скрыто глубоко в земле, с каким-то корешком, и вот этот корешок ожил в этой самой веточке, и установить эту связь - высшее достижение поэта. Так оно все устроено. Все, что сделано, придумано, все, что мы читаем во всех этих наших журналах, 99,9999999 % того, что нам преподносят – это все мертвое и не имеет никакого отношения к культуре, а вот та ничтожно малая часть, перекликающаяся с тем корешком на тысячу метров вглубь, только вот она и жива.

Вот и Гораций перенес греческий корешок на латинскую почву, тот пророс, а потом и пронизал вообще всю европейскую культуру ...

Вы видите, я начал с такого пародийного невежды, который думает, что переводить – это всего лишь находить каждое слово в словаре, и дошел до того, что перевод - это вообще главное занятие, самое сложное, самое увлекательное и самое нужное. Вся культура растет на нем, как живое дерево....

КОНЕЦ ПЕРВОЙ ЧАСТИ

Вторая часть состояла из теоретических объяснений правил французской просодии, практических примеров на подсчет слогов с определением элизий, объяснения роли цезуры и т. д. и т. п. Приводились примеры удачных русских переводов, и – для забавы – совсем неудачных. Разбирались переводческие ошибки, в том числе и невероятно смешные. Все это представляет только специальный интерес и плохо передается в письменном виде.

